

Театръ Незлобина. — «Любовь на землѣ» И. Новикова.

Г. Новикову, сдававшему третьяго дня въ незлобинскомъ театрѣ экзаменъ на драматурга, больше всего вредитъ то, что онъ хочетъ быть не только поэтомъ, но еще и мудрецомъ. Непремѣнно мудрецомъ, который свѣтомъ большой идеи освѣщаетъ всю узорочную пеструю жизнь, который приводитъ въ стройную систему суетлоку и сумятицу ея явленій и изъ хаоса фактовъ выноситъ жемчужину истины. Самый характеръ заглавія пьесы говоритъ, что г. Новиковъ именно такъ понимаетъ себя и свою задачу.

Можетъ-быть, г. Новиковъ и весьма мудръ, самъ думаетъ о любви и умно, и глубоко, и ясно. Но эта часть его въ пьесу не перенесла. Тутъ мысли его — весьма и весьма неясныя, неразумительныя, и весьма туманныя краснорѣчивыя, но пустыхъ словъ. Онъ только хочетъ быть мудрецомъ; но, какъ бѣдному Дормедонту, «что къ чему, ему не дано». И если я иногда совсѣмъ не понималъ, что говорятъ нѣкоторые герои Новикова, — хоть бы его художникъ, у котораго казал-то совсѣмъ особая философія любви, — то еще меньше понималъ я, зачѣмъ авторъ съ большой искусственностью слагаетъ вотъ такую или такую комбинацію фактовъ. А что это — только нарочитыя комбинаціи въ интересахъ «мудрости», совершенно несомнѣнно. Въ третій актъ, неизвѣстно зачѣмъ, врѣзается убійство: отвергнутый деревенской дѣвушкой, парень зарубилъ ее топоромъ. Дѣвушка эта до самаго убійства никакъ не занимала вниманіе зрителя; а парня и совсѣмъ нѣтъ на сценѣ. Убійство падаетъ, какъ свѣтъ на голову; нуль — въ художественномъ отношеніи, безразлично — въ драматическомъ, никакъ не отражается на движеніи главнаго сюжета пьесы. Для нея парень зарубилъ свою бывшую невѣсту совершенно напрасно. Несомнѣнно для меня, что въ глазахъ автора это убійство нужно для всесторонняго заявленія какой-то его идеи, какъ части какой-то его философіи любви. Какъ, не стало несколько ясно и послѣ всѣхъ перипетій «Люви на землѣ», послѣ всѣхъ и очень многочисленныхъ, и очень долгихъ рѣчей о ней, даже послѣ чтенія вслухъ однимъ изъ героев платонова «Пира». Судя по тѣмъ фактамъ, которые собраны въ пьесѣ г. Новикова, любовь какъ-будто — сила отрицательная, губительная, несущая на багровыхъ крылахъ своихъ

горе, слезы, ужасъ, смерть. Въ пьесѣ нѣтъ счастливой любви, — только несчастная. Но, съ другой стороны, авторъ какъ-будто думаетъ, что любовь — сила самая благая, прекраснѣе которой нѣтъ. И даже промелькнула фраза о томъ, что любовь выше религіи... Такъ неяснѣе неяснѣе авторъ и когда говорить языкомъ словъ, и когда говорить языкомъ фактовъ. При такихъ условіяхъ стоило ли обряжать пьесу въ философскій уборъ...

Много лучше «поэзія», — то, изъ чего г. Новиковъ хочетъ выжать мудрость. И тутъ далеко не все благополучно, — и въ лицахъ, и въ ихъ чувствахъ, и дѣлахъ. Только скучно и каждый разъ внушаетъ тревогу, когда начинаетъ говорить, елейный помѣщикъ, желающій «присоединиться простому народу» (между прочимъ чрезъ бракъ съ горничной) и полагающій, что лицо Россіи обращено къ нирванѣ. Любить поговорить о божественномъ, жалѣть каждую пташку малую, каждый цвѣточекъ въ полѣ, до 33-хъ лѣтъ дѣвственнѣе, душой чистѣе, а сердцемъ кротокѣ. Вообще — человекъ Божій. И даже зовутъ Алексѣемъ. Очень старается г. Аслановъ спасти его, — все сдѣлалъ, но было съ его Алексѣемъ скучно-скучно. А когда, уже по завершеніи фабулы, ся круга, принялся Алексѣй долго слушать, какъ падаетъ русскій свѣтъ, стало и совсѣмъ томительно, и вмѣсто полагаемаго «настроенія» было лишь желаніе, чтобы поскорѣе дали заправѣсь.

Я не стану перечесть всѣхъ недостатковъ, рѣшившихъ судьбу «Люви» на премьере. И все-таки минутами было пріятно, какъ-то ласково слушать и смотрѣть пьесу; къ слову сказать, заключенную на незлобинской сценѣ въ очень удачныя декораціи. Въ авторѣ, когда онъ не мудритъ, есть поэтъ. И этотъ поэтъ чувствуетъ красоту, поэзію любви, тонко чувствуетъ немного горькую, печальную прелесть осени, осеннихъ чувствъ и осеннихъ цвѣтовъ. Онъ умѣетъ грустить и онъ умѣетъ вдругъ такъ взять погу, такъ сказать слово, что они падаютъ въ душу. Онъ бывасть по-настоящему лириченъ. И, наконецъ, у него — отличный образъ доцѣлующей жемчужины, во всемъ обаяніи осенней красоты, осеннихъ чувствъ. Г. Новиковъ все же хочетъ обряжать ее въ какія-то драматическія одежды, украшать демонизмомъ, трагедіей, роковыми страстями. Просто — милая, изящная душой, вся —

въ любви къ мужчине, женщина, которая еще носитъ въ себѣ «последній огонь» и тоскуетъ, потому что онъ еще не растрасченъ. Все это нарисовано авторомъ и съ значительной чуткостью, и съ большой тонкостью. Это писалъ художникъ. И ему отлично помогала г-жа Ропчина-Исарова; лишь иногда, особенно вначалѣ, увеличивала сверхъ нужной мѣры нервную растрепанность. И съ этой героиней пьесы все время было и интересно, и пріятно.

Н. Эф.